

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА

И

СЪВЕРНЫЙ АРХИВЪ,

Ж У Р Н А Л Ъ

ЛИТЕРАТУРЫ, ПОЛИТИКИ

И

СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИИ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

НИКОЛАЕМЪ ГРЕЧЕМЪ

И

ЕЛЕНЕЮ БУЛГАРИНЫМЪ.

Т О М Ъ XXIII.

(СЫНА ОТЕЧЕСТВА ЧАСТЬ 145-Я, СЪВЕРНАГО АРХИВА 59-Я.)

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,
ВЪ ТИПОГРАФИИ Н. ГРЕЧА.

1831.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по оппечатаиіи, предспавлены были въ
Цензурный Комитетъ три экземпляра. Санктпетербургъ,
Сентября 20 дня 1851 года.

Цензоръ В. Семеновъ.

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА

И

СЪВЕРНЫЙ АРХИВЪ.

1831 № XXXIX.

I.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ЛЕЙТЕНАНТЪ БЪЛОЗОРЪ.

Повѣсть.

(Продолженіе.)

ГЛАВА VI.

— „Я Душенька, люблю Амура!“
Потомъ заплакала какъ дура;
Потомъ, не говоря двухъ словъ —
Заплакала съ нею рыболовъ,
И съ нимъ взрыдала вся натура.

Богдановичъ.

Каждый день съ разсвѣтомъ являлся Викторъ въ оранжерею, да и прелестная Голландочка не опаздывала приходишь шуда кормить своихъ канареекъ, лелѣяшь свои цвѣты заморскіе. Само собой разумѣется, что не забывала и милаго ~~Виктора~~ ^{Ворьяка}, который спалъ ей теперь дороже ~~всѣхъ~~ ^{всѣхъ} ~~и всѣхъ~~ ^{и всѣхъ}

пюльпановъ вмѣстѣ. О чемъ водились у нихъ рѣчи — того не дошло до моего свѣдѣнія. Крылатому племени всегда не до чужихъ пѣсень, цвѣты молчаливы съ природы, а опъ флегмы садовника можно было слышать только соо, соо, сопровождаемая весьма значительными и вовсе непонятными пуфами табачнаго дыма. Полагать должно, они не сучали — и хопя словарь счастливыхъ очень ограниченъ — но они не могли наговориться объ одномъ и томъ же, и всякой разъ имѣли что нибудь прибавить ко вчерашнему.

Живучи въ такомъ элизіумѣ, нашъ Лейтенантъ вовсе позабылъ о морѣ и флотѣ, о своихъ и непріятеляхъ — и сколь ни горячій папріотъ былъ онъ — но рѣдко, рѣдко впадала ему на умъ горькая мысль, что Французы идутъ въ сердце отечества. „Нѣтъ, Русь не падеть!“ — восклицалъ онъ пылая. „Наполеонъ поскользнется въ крови нашей!“ — и успокаивался и утѣшалъ себя вѣрою, что все это скоро кончится, и оправдывалъ себя вопросомъ: „что могу я сдѣлать?“ Любовь обезмолвила наконецъ всѣ прочія чувства; — завпра для него не существовало; онъ самъ не жилъ въ самомъ себѣ — онъ будто промѣнялся душею съ мілою.

Однако жъ эпитъ промѣнъ былъ невыгоденъ для Жанны — и она узнала сладость гру-

спи; разсѣянность завладѣла и ею. Домашній порядокъ, доселѣ вѣрный какъ часы, совсѣмъ потерялъ чередъ подъ ея надзоромъ. Однажды въ пальцахъ, вмѣсто какого-то узора, она вышшла цѣлую спрочку липеръ V по зубчикамъ косынки. Въ расходной шепради, вмѣсто ипога, явилась чья-то мужская головка — Юлія Цесаря, по ея сказкамъ мапери. Въ часы, назначенные поварнѣ, ей хотѣлось танцовать, въ часы уроковъ на арфѣ — молился. То забывала она ключи въ ящикѣ, то вмѣсто сладкаго миндаю насыпала для пирожнаго горькаго, то оставляла спулъ посреди комнаты — вещь, копорая для мапери ея была страшнѣе планеты, грозящей спопштаъ землю. Наконецъ ужъ и самъ отецъ замѣтилъ, что дочь не въ своемъ умѣ, когда она налила ему кофе безъ сахару, и въ задумчивости сорвала какой-то чудесный пюльпанъ, что искони считалось смертнымъ грѣхомъ въ домѣ его. „Два аршина съ четвертью!“ вскричалъ онъ, отворивъ большіе глаза: — „это что нибудь да значить!“ Между тѣмъ однако жъ, какъ Амуръ готовилъ суматоху въ семьѣ Саарвайерзена, судьба сбиралась изломать его спрѣлы.

Уже миновало двѣ недѣли пребыванія Виктора — и онъ, припаясь, не думалъ напоминать объ ошправленіи, а старикъ, чрезвычай-

но довольный его обществомъ, казалось, совсемъ забылъ, что Викторъ не домашній. Даже добрая хозяйка привыкла къ нему, по собственному ея признанію, будто къ старому орѣховому комоду, который опданъ былъ за нею въ приданое. Припомъ, поздняя осень дѣлала затруднительнымъ, если не вовсе невозможнымъ, плаваніе по бурному побережью Зюйдерзе, а дурная погода избавляла отъ гостей, которые бы могли подозрѣвать или угадать что нибудъ въ странствующемъ прикащикѣ, на котораго, правду сказать, онъ ни сколько не походилъ съ головы до ногъ, и съ рѣчей до поступковъ. Словомъ, все обнадеживало нашего моряка, что онъ долго просидитъ на мели; „а тамъ, а тамъ — доживемъ, увидимъ — случится, такъ подумаемъ!“ — и между тѣмъ часы летѣли, и сердце оживало годы счастья.

Утромъ перваго Ноября, свѣтелъ какъ Майскій мотылекъ, порхнулъ Викторъ въ теплицу — и нашелъ тамъ Жанни въ горькихъ слезахъ. Долго не отвѣчала она нѣжнымъ вопросамъ его, и опзывомъ на нихъ были только новыя слезы, новыя спенанія. „Минули мои радости,“ — наконецъ произнесла она: — „Викторъ меня покидаетъ!“

„Какія черныя мысли, милая Жанни —

скорѣе замерзнешь пламень, чѣмъ я измѣню тебя!“

„Ахъ! зачѣмъ ты не измѣнишь мнѣ — тогда по крайней мѣрѣ я бы въ гнѣвъ и въ презрѣніи нашла опраду разлукѣ! Менѣ ли я несчастна теперь, теряя тебя невиннаго!“

„Не огорчайся, милая, будущимъ горемъ, оно далеко — еще все можешь перемѣниться къ лучшему!“

„Не вѣрю я, не хочу я вѣрить ничему лучшему, когда все, что казалось такимъ, меня обмануло. Зачѣмъ я полюбила тебя, Викторъ!....“

„Я не понимаю тебя, милая!“

„Я бы рада была, чтобы ты не слышалъ и не понималъ никогда вѣспи разлуки — если бы это могло удержать тебя со мною.“

„Возможно ли — мнѣ готовить отправление?“

„Оно уже рѣшено. Батюшка сегодня поутру нанялъ рыбаковъ на большомъ ботѣ, чтобы тайно провезти тебя на эскадру — завтра ночью ты отправишься!“

Безмолвенъ и блѣденъ стоялъ Викторъ передъ плачущею любезною; наконецъ вспомнилъ, что онъ, какъ мужчина, долженъ утѣшать ее — но Жанни, которую горестъ сдѣлала причудливою, съ сердцемъ отвергала его изношенное краснорѣчіе.

„Не огорчай меня, Викторъ, своими утѣшеніями — я не хочу и не могу быть покойна; съ побой вмѣстѣ ладья показалась бы мнѣ люлькою, но воображая тебя на ней одного — я всякой часъ буду страшиться попопленія.... и потомъ ты увидешь въ Англію, въ свою милую Россію, забудешь меня, измѣнишь мнѣ, почему я знаю, можетъ быть станешь смѣяться надъ простопой Жанни, когда Жанни будетъ плакать, горько плакать!...“ Рыданія прервали слова ея.

Викторъ не могъ удержаться, чѣмъ не выронилъ пары двѣ завѣтныхъ слезинокъ; однако жъ, лаская и уговаривая, уговаривая и лаская, ему удалось понемногу успокоить Жанни. „Я откроюсь твоему родителю,“ говорилъ онъ: „и буду просить руки твоей; я не вижу причинъ отказа, и потомъ невозможности возвратиться къ тебѣ — война вѣдь не вѣчна, какъ любовь наша. Припомъ еще два дня могутъ принести много переменъ!...“ Жанни поглядѣла изъ подлобья, какъ будто въ нерѣшимости, утѣшилась ей или нѣтъ; наконецъ улыбка проглянула на миломъ лицѣ ея, словно лучъ солнца сквозь вѣшній дождь: — юность такъ охотно ввѣряется надеждѣ и сама спѣшишь на встрѣчу обмана.

Уже всѣ собрались къ обѣду. Хозяинъ, заложивъ руки въ карманы, переважно рассказывалъ Виктору о новомъ изобрѣненіи цилиндрическихъ ножницъ для спригальной машины. Гензіусъ, глядя на картину, изображающую споловые припасы, наигрывалъ носомъ пѣсню неперпѣнія. Жанни, грустно поднявъ брови и склоня голову на плечо, украдкой поглядывала на Лейпенанта — и уже хозяйка вошла въ комнату съ рдѣющими опъ огня ланинами и съ вѣспью объ обѣдѣ въ устахъ — какъ вдругъ Саарвайерзенъ, взглянувъ на термометръ за окошко — вскричалъ: „такъ и есть, вопъ болпунъ Монпанъ къ намъ тащипся.“

„Капптанъ Монпанъ!“ вскричала испуганнымъ голосомъ хозяйка!

„Это настоящее Божеское посѣщеніе!“ сказалъ Саарвайерзенъ.

„Разоренье да и только!“ сказала Г-жа Саарвайерзенъ.

„Онъ для меня несноснѣе барабана,“ — сказалъ первый.

„Онъ для меня спрашнѣе моли,“ — сказала вторая.

„Онъ переломаеиъ мои пюльпаны и оборвепъ цвѣпки съ лимонныхъ деревъ для наспойки,“ сказалъ хозяинъ.

„Передвигаеиъ съ мѣста всѣхъ мандаіъ“

новъ, и перервешь мои ковры своими варварскими кабулучищами," сказала хозяйка, бряча однако связкою ключей.

Дѣлать было нечего; — живучи за городомъ, теряють право отказывать скучнымъ людямъ, и несовмѣстно съ доброю, не полько съ учтивостію, отказать прїѣзжему пѣзза 15-ти миль. Прїятель-непрїятель уже всходилъ на лѣстницу, и гостепрїимное *прошу пожаловать* встрѣшило его у порога.... между тѣмъ какъ онъ напѣвалъ еще пѣсню:

Les Français ont pour la danse
Un irrésistible attrait,
Et de tout mettre en cadence
Ils ont, dit-on, le secret;
Je le crois,
Quand je vois
Ces grands conquérans du monde
Faire danser à la ronde
Et les peuples et les rois! —

Двери отворились — и Кашипанъ Garde-côtes, Монпанъ Люссакъ, влѣпѣлъ на цыпочкахъ въ комнату. Онъ былъ человѣчекъ лѣтъ тридцати пяти опъ роду, и вершковъ тридцати пяти опъ полу, съ кроликовыми глазами, съ совинымъ носомъ и съ настоящею Французскою самоувѣренностію. На немъ былъ синій мундиръ съ однимъ эполетомъ, и онъ подпирался шпажкою, которая, вмѣстѣ съ тонкими козыми ножками, дѣлала его весьма похожимъ на преногую аспролябію. „Ма

foi,“ сказалъ онъ, раскланиваясь съ видомъ благосклонности: — „не даромъ говорятъ, что въ рай препрудная дорога. Вашъ Фламгаузъ, mon bon Monsieur Sarvezan — настоящій рай Магометовъ, — потому что одна Mademoiselle Жанни стоить всѣхъ Гурій вмѣстѣ,“ — и съ этимъ словомъ онъ такъ махнулъ своей мокрою шляпою, что брызги полетѣли кругомъ.

„Вы такъ любезны, Капитанъ,“ отвѣчала Жанни съ лукавою улыбкою, вытирая плащомъ плащъ: — „что нѣтъ средствъ сухо принять ваши привѣтствія!“

„Вы божественно-снисходительны, М-ль Жанни,“ возразилъ, охорашиваясь, Французъ, вовсе не замѣчая насмѣшки: — „и я принесъ жертву вашей божественности — премиленкй рисунокъ ворошничка — въ немъ вы покажетесь, какъ персикъ между листьями. А вамъ, madame Surversant,“ сказалъ онъ, обращаясь къ хозяйкѣ: „выписалъ я рецептъ, какъ сохранять въ розовомъ вареньѣ природный его цвѣтъ.“

„Лучше бы научили вы средству сохранять ковры отъ мокроты,“ отвѣчала она, съ ужасомъ глядя на спрую дождя, текущую со шляпы героя.

„Капитанъ — неизмѣнный угодникъ дамскій,“ молвилъ хозяинъ прецля его по плечу: —

у него въ карманѣ всегда найдется про нихъ какая нибудь игрушка и въ головѣ запасный комплиментъ!“

„Par la sainte-barbe (клянусь пороховою каморою)“ возразилъ Капитанъ, выпягивая свой пуго накрахмаленный воротникъ:— „мое сердце готово всегда упасть къ ногамъ прекрасныхъ, а шпага вспрѣшпитъ непріятеля!“

„Славно сказано, Капитанъ — только видно у васъ сердце не крѣпко привязано, когда вы можете выкидывать его какъ червонный пузъ; — ну, а ксмапи о шпагѣ: много ли ей было работы пронзатъ и щупатъ шюки съ запрепными товарами?“

„Я задавленъ дѣлами, *vrai Dieu*, задавленъ! — отвѣчалъ Французикъ, зачесывая на обнаженный лобъ скудные волосы: ваши соотечественники, вмѣсто благодарности нашему доброму Императору, за то, что онъ не сполкнулъ Голландіи въ море, безпрестанно заводятъ по всѣмъ шинкамъ заговоры — а забіяки Русскіе и Англичане того и жди, что нагрянутъ на берегъ! — Знаете ли вы, что они затѣяли тайную высадку, чѣмъ захватить крѣпость и порштъ — бездѣльца! — Къ счастью, сударь, я своею проникаемостью уничтожилъ ихъ замыслы, и спасъ городъ: злодѣи были захвачены, и въ чемъ, какъ вы думаете? — въ

ромовыхъ боченкахъ, сударь, въ ромовыхъ боченкахъ!“

„Вамъ должно воздвигнуть спатую во весь ростъ на боченкъ вмѣсто подножія,“ сказалъ, улыбаясь, хозяинъ.

„Этого мало, Геръ Sans-fer, Sans-ver-Sarrasin, — извините, пожалуйста, я не въ ладу съ Голландскими именами — вообразите себѣ, что эти вандалы, Англичане — эти враги человечества, то есть, Французовъ, собрались насъ зажарить заживо вмѣстѣ съ домами и кораблями — открыли въ Лондонѣ подписку, наняли контрабандистовъ, чтобъ ввести попихоньку зажигательныя вещества въ курительномъ табакѣ, въ свѣчахъ, въ колбасахъ, въ копченыхъ рыбахъ, — даже въ помадныхъ банкахъ, сударыня, даже въ помадныхъ банкахъ, — всѣ каблуки Французскихъ Генераловъ начинены были порохомъ: злодѣи хотѣли поднять на воздухъ каждого изъ насъ поодиночкѣ.“

„И вы опять открыли ихъ?“

„Mais cela s'entend sans dire (это и безъ словъ разумѣется), подъ крыльями Французскаго орла, и до тѣхъ поръ, покуда я охранитель береговъ здѣшнихъ, вы можете спать, какъ за каменною стѣною.“

„Не угодно ли же генію хранилищу оповѣдать нашего обѣда?“ сказалъ хозяинъ, на-

скутивъ его болтаньемъ — „супъ и желѣзо надо обрабатывать, куда они горячи!“

Таможенный храбрецъ жеманно подалъ свой локопъ хозяйкѣ, Викторъ дочери, а сухощавый Гензіусъ и шаровидный хозяинъ, какъ поспѣшны сочельникъ и сыпное розговѣнье, замкнули шествіе.

Я думаю, извѣстно всѣмъ и каждому, что Богъ опдалъ Французамъ маіорапъ любезности съ дамами — по крайней мѣрѣ Моншанъ Люссакъ ни сколько не сомнѣвался, что онъ урожденный оспроумецъ и непобѣдимый человекъ въ искусствѣ нравиться. Правда, что переслащенные комплименты его подернулись уже мохомъ со временъ Франциска I-го, но за то онъ отпускалъ ихъ Жанни самымъ новымъ, хотя весьма смѣшнымъ образомъ. Обо всемъ другомъ рубилъ онъ съ плеча, не краснѣя, и между тѣмъ не забывалъ спакана, ни парелки. Изгоняемая изъ желудка и головы его пустота разрѣшалась безмѣрнымъ хвасповспивомъ.

„А каковъ нашъ маленькій капраль? Soit dit ne vous déplaie (не во гнѣвъ вамъ будь сказано)“ сказалъ онъ, качаясь на спулѣ. Съ каждой почтою присылаетъ онъ къ намъ ключи какой нибудь споллицы; насъ ожидаютъ ужъ въ Петербургѣ, и тамошнія дамы заказали 30 тысячъ паръ башмаковъ для

вспрѣчнаго бала! Что это за прелестная земля Московія, когда бѣ вы знали! — рай, а не край. —

„Вы развѣ были тамъ?“ спросилъ Викторъ.

„Я не былъ — *mais c'est égal*: мой братъ собирался туда ѣхать. Представьте себѣ, что тамъ падаетъ осенью градъ съ гусиное лицо, изъ котораго пекутъ превкусные хлѣбы; соболы водятся тамъ въ домахъ, какъ у насъ мыши, а всего забавнѣе, что для верховой ѣзды въ горахъ употребляютъ лошадокъ, называемыхъ *коньякъ*, которые не больше собаки.“

„Я думаю, однако жъ, что храбрые ваши одноземцы не много найдутъ прелести и поживы въ краю нарочно опустошенномъ?“ сказалъ Бѣлосоръ.

„*Bagatelle* — сущая бездѣлица,“ возразилъ Капитанъ. „Что значатъ Русскіе морозилки для испытанныхъ гренадеровъ, которые кушали мороженое, приготовленное во льдахъ Альповъ, и на штыкахъ жарили крокодилово мясо на солнцѣ Египта — *allons, chantez moi de ça*, я самъ сподѣл на бивакахъ въ пирамидѣ Весприса.“

„Можетъ быть, Сезосприса, хотите вы сказать,“ замѣтила Жанни.

„*Vous y êtes, Mademoiselle* (вы угадали),

но это все равно—дѣло въ томъ, что Москoвiя не чета Египту; пройди ее вдоль и поперегъ намъ такъ же легко, какъ сложить пѣсню.“

„Трудно только выйти,“ сказалъ съ насмѣшкою Викторъ.

„А, а! господинъ любитъ пошучивать, но отъ этого нашимъ не хуже: за ними ведутъ огромныя стада мериносовъ.“

„Ужъ не хочетъ ли Наполеонъ заводить тамъ суконныя фабрики?“ спросилъ лукаво хозяинъ.

„Покуда, намъ довольно и Голландскихъ,“ отвѣчалъ Капитанъ: „нѣтъ, сударь: барановъ ѣдятъ, изъ кожъ шьютъ шубы, костями мостятъ дорогу для артиллеріи, и даже обсаживаютъ ее въ два ряда финиковыми косточками: надо у этихъ варваровъ образоваться даже климатъ, и благодаря спараніямъ Фуше, теперь онъ немногимъ уступаетъ Испанскому. Да, сударь, что Наполеону вздумалось — то свято. При торжественномъ вселеніи его въ Москву....“

„Въ Москву?“ вскричалъ Викторъ, едва не вскочивъ со стула: „эта сказка переходитъ уже границы терпѣнія!“

„Шутка? — Не вы ли, полно, шутите, господинъ спарансвующій рыцарь Меркуріева жезла? Видно, вы жили подъ землей, если

не слышали этой новости; даже въ Пекинѣ всѣ нѣмые толкуютъ объ этомъ!“

Надобно сказать, что флотъ давно не получалъ извѣстій съ театра войны, а Фан-Саарвайерзенъ не хотѣлъ печалить Русскаго вѣспыю о взятіи его опечесивенной столицы. „Москва точно взята,“ сказалъ онъ ему по-Немецки: — „но ваши смяются крѣпко; будь мужественъ, Викторъ, умѣрь себя.“

Но эта вѣсть какъ громомъ поразила юношу, и наконецъ худо скрывшая досада овладѣла имъ. — Болшунъ продолжалъ по прежнему.

„Да, сударь, передъ Москвою мы разбили 500 тысячную армію, которою командовалъ Суваровъ или Каншакузинъ, ou quelque chose comme cela; муть дрались даже старики съ бородами по колѣно, которые служатъ имъ вмѣсто латъ или нашихъ хвостовъ на кирасирскихъ каскахъ; картечь или пуля ударить, да и занушается въ волосахъ! . . . При этомъ дѣлѣ были два полка Самоѣдовъ на лыжахъ — mais on enfle ça comme des grenouilles — въ полдень все было кончено, и Бояре, въ длинныхъ своихъ кафтанахъ, любя Французовъ опъ души, на рукахъ внесли побѣдителя въ городъ. — По Русскому обычаю, герою поднесли въ пирогъ запеченаго китѣнка, по счастью наканунѣ пойманнаго въ Бѣломъ морѣ.“

„Оно полторы тысячи верстъ отъ Москвы,“ — съ презрѣніемъ сказалъ Викторъ.

„Точно такъ, точно такъ и было до Петра Великаго; но онъ, для удобства столицы, велѣлъ подвинуть его поближе. Ручаюсь вамъ, сударь, что эпопей Петръ былъ морякъ какихъ мало, и если бы подольше поцарствовалъ, то весь бы свѣтъ обратился въ Океанъ и посадилъ на корабли. — Но я удаляюсь отъ разсказа — къ вечеру данъ былъ балъ, на которомъ музыку составлялъ звонъ всѣхъ Московскихъ колоколовъ; говоряще, что эффектъ былъ восхитительный! Для рѣдкости, два эскадрона плѣнныхъ казаковъ оплечались въ народномъ танцѣ — который у нихъ извѣстенъ подъ именемъ *пляска*. Всѣ лица днемъ и всѣ улицы ночью были иллюминированы. — Отъ избытка приверженности къ вождельнымъ госнямъ, жители зажгли дюжину церквей и нѣсколько кварталовъ.“

„Чтобы всѣ Французы погибли тамъ!“ вскричалъ Викторъ.

Въ этотъ мигъ слуга принесъ Англійскія газеты.

„Москва освобождена — Французы бегутъ!“ вскричалъ Саарвайерзентъ, взглянувъ на первый листъ, и передалъ его Виктору. — Въспль объ изгнаніи была тамъ напечатана большими буквами. Восхищенный Викторъ

сначала обратился благодарным очи къ небу — но, потомъ, желаніе укропить хвасуна вырвалось у него насмѣшками. „И такъ господинъ Капитанъ, ваши Египетскіе герои бѣгутъ, не оглядываясь!“

„Sur ma foi,“ вскричалъ потѣхъ: „это газетный вздоръ — это зажигательныя извѣстія Англійскія; я никогда не видывалъ, чтобы Французы отъ кого нибудь бѣжали“

„Можетъ быть, отъ того, что вы бывали тогда *спереди всѣхъ*,“ сказалъ Викторъ насмѣшливо.

„Мнѣ кажется, г-нъ рыцарь аршина, вы на мой счетъ изволите забавляться? Douze mille bombes!“

„На вашъ счетъ? г-нъ герой таможи — ни мало: я бы ничего не повѣрилъ вамъ въ долгъ.“

„Знаете ли, кому вы говорите, сударь? — Вѣдаете ли вы, что я происхожу по прямой линіи отъ славнаго Монпаня, который такъ же умѣлъ владѣть перомъ, какъ шпагою?“

„Въ такомъ случаѣ вы оправдали на себѣ басню, въ которой гора породила мышъ (*)!“

„Я мышъ? я сударь, мышъ? — Какъ спаринный дворянинъ, я бы доказалъ вамъ дружбу, если бъ вы стояли острея моего клинка,

(*) Игра словъ — montagne и Montaigne.

но знайте, что онъ дѣйствуетъ и плания.“

„Дерзкій хвастунъ! — Если бѣ мы были не въ домѣ почтеннаго человека, вы бы получили должную награду; впрочемъ вы можете счесть, что взяли ее.“

„Такъ знайте и вы, что если бѣ не этомъ столѣ, я бы пронзилъ васъ насквозь.“ вскричалъ ретивый Французъ; — „и съ этой минутой вы можете считать себя мершвымъ!“

Эта выходка разсмѣшила всѣхъ какъ нельзя болѣе. Нахохотавшись досыта, самъ Викторъ негодовалъ на себя за вспыльчивость. Истинно смѣшно было сердиться на этого шута. Согласіе возобновилось за бутылкой шампанскаго, которую гости рослили за здоровье побѣдителей — каждый разумѣя въ носѣ, кого ему хотѣлось. Послѣ кофе, Капитанъ съ значительнымъ видомъ приблизился къ хозяину — прокашлялся, какъ проповѣдникъ, который собирается говорить поученіе, выставилъ впередъ козленную ножку, и умильнымъ голосомъ попросилъ хозяина удостоить его минутишкою, но особеннымъ разговоромъ о важномъ, очень важномъ дѣлѣ. Слыша это, всѣ лишніе носышки удалились.

(Продолженіе впереди.)

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

О НЕПРОИЗВОДИТЕЛЬНОМЪ КЛАССѢ,
въ Политической Экономіи и Политикѣ.

(Окончаніе.)

Послѣ малой дѣятельности слѣдуетъ неуспѣшная дѣятельность. Она уже собственно зависить отъ невѣжества или низшей степени образованности, и состоитъ въ томъ, что все дѣлается не такъ, какъ бы надлежало для достиженія цѣли труда. Земледѣльцы, фабриканты, купцы и прочія сословія имѣютъ свои особенные навыки и предрасудки, отъ коихъ они никакъ не хотятъ отказаться. — Сколько пропадаетъ вещей безъ всякой пользы потому только, что не знаютъ имѣть цѣны, не умѣютъ употребить оныхъ! Въ образованныхъ Государствахъ все въ своемъ мѣстѣ: каждую, по видимому, ничтожную вещь стараются сдѣлать полезною; въ другихъ, напротивъ, дорожатъ по бѣльшей части только тѣмъ, что уже сдѣлано, а не тѣмъ, изъ чего можно что либо сдѣлать. Я уже не говорю о томъ, что способы дѣятельности не вездѣ бываютъ самые удобные, выгод-

ные. Конечно, нельзя вводитьъ всего того, что употребляется у другихъ народовъ; что полезно и возможно для одного Государства, то часто вредно и невозможно для другаго. Каждый народъ имѣетъ свои особенности и въ физическомъ и въ нравственномъ отношеніи; однако многое происходитъ отъ незнанія. Не разсудивъ, точно ли бесполезно у насъ то, что хорошо у другихъ, прямо наотрѣзъ, рѣшающъ, что у насъ дѣйствительно то не можетъ быть употреблено. Никто не хочетъ занять свою голову, чтобы обсудить со всею точностію какой либо предметъ; всякой старается, какъ говорятъ, свалить съ своихъ плечъ насупящее бремя. — Нерѣдко не вѣряя самому опыту, опзываясь, что это такъ вышло, такъ случилось. Скажи какому-либо старинному дѣлопроизводителю, что такая-то форма дѣлопроизводства спранны, бесполезна; на сіе отвѣчаетъ онъ: мы люди не ученые; мы любимъ дѣлать такъ, какъ дѣлали прежде. Къ роду неуспѣшной дѣятельности можно отнести и тѣхъ, которые свѣсняются въ трудъ своимъ разными спранными ограниченіями — привилегіями. Каждая отрасль промышленности спраждаетъ такого рода недоспашками, такъ, что рѣдко кто занимается тѣмъ, чѣмъ бы могъ заниматься, и такъ, какъ бы могъ.

Нѣтъ ни одного Государства въ Европѣ, которое было бы свободно отъ всѣхъ препятствій дѣятельности. Не спорю, что нѣкоторыя ограниченія необходимо должны быть терпимы въ слѣдствіе опасности зла, могущаго произойти безъ оныхъ, но такихъ очень мало. Принимаю я это говорю вообще, — если же взять въ разсмотрѣніе частныя лица, то не можно представить, какія въ этомъ отношеніи находящіяся несоотвѣтствія.

Наконецъ претій родъ малой производительности составляютъ тѣ, которые дѣлаютъ злоупотребленія въ своей дѣятельности. Спрашусь представлять, какъ обширенъ этотъ кругъ людей, и сколь великое имѣетъ онъ вліяніе на общество! — Во всякомъ званіи, во всѣхъ родахъ дѣятельности есть свои злоупотребленія; такъ, напр., купецъ можетъ обманывать въ продажѣ, выдавая худой товаръ за хорошій — дешевый за дорогой; фабрикантъ также разными средствами опшѣняетъ свои худыя издѣлія — давая имъ видъ прочихъ, самыхъ лучшихъ; даже земледѣлецъ употребляетъ своего рода хитрости поддѣлыванія. Что же сказать о классахъ нравственныхъ? Сколько плѣбъ, продолженныхъ злоупотребленіями чиновниковъ, распропагандуютъ имѣнія! Сколько остана-

влываеися ими полезное дѣйствіе капиталовъ? Я не говорю объ этомъ, имѣютъ ли они достаточную причину оправдывать свои злоупотребленія по малости жалованья, по другимъ отношеніямъ, но говорю собственно о вредѣ, производимомъ ими въ области дѣятельности. То же самое можно замѣтить о Ученыхъ и другихъ. Равно фабриканты и купцы находятъ свои причины къ извиненію обмана и другихъ навыковъ, но это не уменьшаетъ важности греза, наносимаго ими. Общдая же причина всего есть невѣжество и, можетъ быть, изъкоторыя недосытки народности, однако не такіе, которыхъ не можно было бы исправить благоразумными мѣрами. Сближеніе съ просвѣщеніемъ и образованностію есть самое надежное средство къ исправленію такихъ злоупотребленій.

Разсмотрѣвъ всѣ роды непродуцительности и малой продуцительности классовъ, мы не можемъ удивляться, почему богатство такъ медленно, такъ неправильно распространяется, и почему чѣмъ болѣе въ какомъ Государствѣ находимся такихъ политическихъ недосытковъ, тѣмъ менѣе оно и подвигается въ усовершенствованіи своихъ физическихъ и нравственныхъ силъ. Въ природѣ должны быть законы для совершеннаго счастья и твореній; силы высшія должны находиться въ са-

момъ върномъ соотношеніи къ высшимъ, слѣдственно въ абсолютномъ отношеніи раскрытія силъ Земнаго шара не можетъ быть безпорядка, разстройства; сіе уже является въ слѣдствіе нарушенія равновѣсія силъ природы. Посему виновенъ во всемъ человекъ, а не природа, хотя онъ, не постигая ея законовъ, не замѣчая своего уклоненія отъ оныхъ, все худое приписываетъ непосредственному ея дѣйствію. Вотъ, почему уже геніи — представители природы — всегда бывають ревностными защитниками ея священнѣйшихъ уставовъ, почему они непрерывно вооружаются противъ несправедливыхъ, ошибочныхъ дѣйствій человека, обвиняя его то въ заблужденіи, то въ порокахъ и слабостяхъ, и, постигая умомъ весь организмъ политическихъ обществъ, явно обнаруживаютъ, въ чемъ состоитъ зло, и какимъ образомъ можно излечивать оное. Къ несчастію, голосъ ихъ не всегда бываетъ уважаемъ; напротивъ нередко народы по невѣжеству почитаютъ ихъ за своихъ враговъ, и не только не пользуются ихъ уроками, не слѣдуютъ излагаемымъ ими правиламъ, но иногда подвергаютъ ихъ осмѣянію, презрѣнію и даже гоненію.

Т. Степановъ.

III.

РОССІЙСКАЯ ИСТОРІЯ.

РАЗРУШЕНІЕ МОСКВЫ ПОЛЯКАМИ ВЪ 1612 ГОДУ.

(Окончаніе.)

Въ слѣдующую ночь Россіяне укрѣпились на Чертолы, подлѣ самаго замка, еще уцѣлѣвшаго отъ пламени. Москвитяне, жившіе на другой сторонѣ за Москвою рѣкою, также выставили знамена въ своихъ укрѣпленіяхъ: и тѣ и другіе могли подавати взаимную помощь. Чертольскіе мятежники, имѣя на ней до ста стрѣльцовъ, заградили всѣ улицы, въ надеждѣ воспрепятствовать приближенію нашихъ воиновъ. Русскіе же, находившіеся на другой сторонѣ рѣки, укрѣпили мостъ противъ Водяныхъ воротъ и поставили на немъ орудія, изъ коихъ палили по нашимъ чрезъ рѣку, думая, что и мы только станемъ перестрѣливаться. Но Капитанъ Маржеретъ употребилъ слѣдующую, весьма удачную хитрость: онъ приказалъ своимъ воинамъ также сдѣлать укрѣпленія; а самъ, зная, что ледъ на Москвѣ рѣкѣ еще крѣпокъ, вывелъ мушкетеровъ въ Водяныя ворота зам-

ка, и неожиданно очутился среди обоихъ непріятельскихъ опрядовъ, пакъ, что могъ битъ ихъ справа и слѣва. Въ то же время 12 Польскихъ эскадроновъ выстроились на льду для наблюденія, не вздумаешь ли непріятель, споявшій на лѣвой споронѣ, подать помощь Россіянамъ, укрѣпившимся въ Чертоли; но какъ они не прогались съ мѣста, то Маржеретъ повелъ своихъ воиновъ по льду мимо Бѣлой стѣны; достигнувъ пяти башень, онъ ворвался внезапно въ ворота, которыя были опворены не для него, а для тѣхъ Москвитянъ, которые были на другой споронѣ: эта оплошность погубила мяшежниковъ: наши воины перебили ихъ до послѣдняго, а замокъ Чертольскій предали пламени.

Сіе несчастіе разспроило Россіянъ, споявшихъ на противоположномъ берегу; они поперяли все свое мужество, когда узнали, что Поляки двинулись вверхъ по рѣкѣ, и что въ то же время прибылъ изъ Можайска Полковникъ Панъ Спрусъ, коего опрядъ, состоявшій изъ 1000 отборныхъ всадниковъ, напалъ на прешій городъ, жегъ, рубилъ, опустошалъ все, что ни попадалось. Воины же Капитана Маржерета, разрушивъ замокъ Чертольскій, перешли Москву рѣку и предали пламени всѣ дома, уцѣлѣвшіе опъ прежняго

пожара: путь уже ничто не помогало Москвитинамъ, ни страшный крикъ, ни звонъ колоколовъ. Пресѣдуемые нашими воинами, они нигдѣ не могли найти спасенія: даже пламя, разносимое вѣтромъ, обращалось въ ту сторону, куда бѣжали Москвитяне, и испребляло ихъ. По всему было видно, что самъ Богъ каралъ энопъ народъ за его кровожадность, вѣроломство, лихоимство и развратъ Содомскій (11). Немногія толпы укрывались въ монастыряхъ; все кончилось; никто не думалъ сопротивляться побѣдителямъ.

Двудневный пожаръ превратилъ въ пепелъ обширную столицу Русскаго Царства, имѣвшую въ окружности болѣе 4 миль; ничего въ ней не уцѣлѣло, кромѣ царскаго замка, занятаго Королевскимъ войскомъ, и немногихъ церквей каменныхъ: все прочее было жертвою огня; сгорѣли всѣ деревянныя зданія, всѣ красивые дома Болгарскіе и купеческіе, остались только немногія сѣнны, каменные погреба, церкви и часовни.

Такимъ образомъ 700,000 человекъ, способныхъ владѣть оружіемъ, должны были уступить свой городъ малочисленной дружинѣ, состоящей изъ 800 Немцевъ и 6000 Полл-

(11) Такъ честилъ Беръ нашихъ предковъ за великій подвигъ, коему удивляется потомство!

ковъ; должны были видѣть столицу жертвою пламени и свои несмѣнныя сокровища ославивши въ рукахъ чужеземцевъ. Въ числѣ сокровищъ Царскихъ, (на счетъ коихъ содержались и теперь, въ 1612 году, Королевское войско), находились 7 коронъ, 3 скипетра и другія вещи безцѣнныя: одинъ скипетръ изъ цѣльной кости единорога, осыпанный яхонтами и брилліантами, затмѣвалъ все, что ни есть драгоценнаго въ мірѣ.

Есть пословица: не хочешь мира, иди на войну; не хочешь благословенія, шери проклятіе. Сказано сверхъ того въ книгѣ Премудрости: въ чемъ согрѣшишь, тѣмъ и наказанъ будешь. Москвитяне доказали собою истину сихъ изреченій. За нѣсколько лѣтъ предъ симъ, напавъ на Ливонію, они все предавали огню и мечу, насмывали женъ и дѣвицъ; теперь имъ оплачено спорницею. Изъ Ливоніи они вывели 100,000 гульденовъ, а сами лишились всего имѣнія цѣною во 100 бочекъ золота; имъ удалось обезчестить и похищать нѣсколько женъ и дѣвицъ; за то Поляки осрамили нѣсколько тысячъ Москвитянокъ. Сверхъ того пожары такъ опустошили всю Россію, что цѣль Ливоній могли бы помѣститься въ ея пустыняхъ. Наконецъ семилѣтняя война испребила, по исчисленію самихъ Россіянъ, болѣе 600,000 человекъ, кро-

мѣ пѣхъ, которые пайно умерщвлены, или брошены подъ ледъ.

Послѣ великаго пожара, въ теченіе двухъ недѣль Россіяне не являлись въ свою столицу; посему Нѣмцы и Поляки ничего болѣе не дѣлали, какъ только собирали сокровища: имъ не нужно было ни полошнѣ, ни олова, ни мѣди; они брали однѣ богатѣйшія одежды, бархатныя, шелковыя, парчевыя; серебро, золото, жемчугъ, драгоценныя каменья; снимали съ образовъ дорогіе оклады; иному Нѣмцу или Поляку досталось отъ 10 до 12 фунтовъ чистаго серебра. Тотъ, кто прежде не имѣлъ ничего, кромѣ окровавленной рубашки, теперь носилъ богатѣйшую одежду; на пиво имѣлъ уже не глядѣли — пили только самыя рѣдкія вина, какими изоблаovali Русскіе погреба, — Рейнское, Венгерское, Малвазію: каждый бралъ, что хотѣлъ. Вскорѣ открылось такое распушество, что Ляпуновъ принужденъ былъ спращать беззаконниковъ своими казаками. Своевольные солдаты спрытали въ Русскихъ жемчужинами, величиною въ добрый бобъ, и проигрывали въ карты дѣшей, опятахъ у Бояръ и купцевъ имѣвшихъ: съ трудомъ возвращали несчастныхъ малютокъ въ объятія родителей. Никто не заботился о сбереженіи съѣстныхъ припасовъ, масла, сыру, рыбы, солода, ржи, хмелю, меду и прочихъ

жизненных потребностей, копми замокъ могъ бы цѣлые шесть лѣтъ довольствоваться. Безумные Поляки все испребили, воображая, что имъ ничего не надобно, кромѣ шелковыхъ одеждъ и драгоценныхъ каменьевъ: правда, сіи вещи имѣютъ высокое достоинство, однако жъ голоднаго не накормящъ. Глупцы вскорѣ испытали сіе: въ теченіе двухъ или трехъ мѣсяцевъ часпона нельзя было достать ни за какія деньги ни пива, ни хлѣба. За шпофъ пива платили цѣлый флоринъ; за кусокъ свинаго сала 8 флориновъ, за корову 40 флориновъ; хлѣба же почти вовсе не было: недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ обнаружился на прешней недѣлѣ послѣ мяшежа, когда приведенные Ляпуновымъ казаки и Москвитяне овладѣли Бѣлою стѣною (наши не могли удержать ее по малочисленности) и захватили весь провіантъ, сокрытый въ погребахъ, уцѣлѣвшихъ отъ пожара. Наши войны съ величайшею опасностію добывали съѣстные припасы.

Куй железо, пока оно горячо, говоритъ пословица. Въ день Воскресенія Господня сего 1612 года, Москвитяне окружили крѣпость, гдѣ находились Королевскія войска, и начали поминать ихъ долговременною осадою; много было работы пастырямъ душевнымъ и врагамъ плѣснымъ: нашихъ воиновъ

осталось всего на все 60 человекъ. Терзаемые голодомъ, они уже готовы были сдать: къ счастью, покойный Воевода, Іоаннъ Пётръ Павловичъ Сантга, нашелъ путь чрезъ Бѣлую спѣну, и ввелъ въ крѣпость 2000 быковъ. Вскорѣ однако жъ Москвитяне воспользовались его оплучкою за съѣстными припасами, овладѣли Дѣвичьимъ монастыремъ и заградили нашимъ всѣ пути за Бѣлую спѣну, такъ, что никому невозможно было ни выйти изъ крѣпости, ни войти въ нее. — Осажденные снова предались унынію

Перевелъ съ Польскаго Николай Устряловъ.

IV.

П Р А В О В Ѣ Д Ы Н І Е.

О П о э з і и в ѣ П р а в ѣ.

(Іакова Гримма.)

§ 1.

Я думаю, не грѣшно будетъ хоть разъ взглянуть на Право съ точки Поэзіи, и живое свидѣтельство последней употребить къ объясненію перваго. Такого опыта претимущественно нынѣ требуетъ наша Нѣмец-

кал древность, которая почти въ одно и то же время представляеть богатые и важные памятники Поэзіи и Права, разсѣянные по многоразличнымъ полосамъ земли, населенымъ племенами Германскаго происхожденія. Есть ли какой другой народъ, который бы, наравнѣ съ Нѣмцами, обладалъ толикимъ множествомъ и толико обильнымъ запасомъ собранныхъ законовъ и приказныхъ обычаевъ, который бы могъ указать на повсюдное существованіе ихъ въ письмени и книгахъ отъ начала бытія своего до середины, отъ цѣлыхъ племенъ до частныхъ обществъ, даже извѣстныхъ мѣстъ? Во всей Европѣ ни одно Право, исключая Римскаго, не имѣеть столь обширнаго, столько твердаго основанія, какъ наше опечесивенное; правда, оно не содѣлано еще Наукою въ той степени совершенства, какъ Право Римское, и, собственно говоря, никогда еще не было изучаемо и учебнымъ способомъ обрабатываемо съ надлежащимъ раченіемъ и усиліемъ; но за то оно гораздо мощнѣе, чувственно вѣрнѣе и проходитъ періодъ богатой цвѣтущей юности. Давно уже признана одною изъ главныхъ чертъ въ характерѣ Нѣмецкаго народа привязанность къ опечесивенному, медленное и неохотное оставленіе старины; и сія-то любовь къ родному сберегла намъ прадѣдную Поэзію, ко-

порая одна можетъ быть поставлена въ разсужденіи древности и достоинства на ряду съ Греческою. Еще и досель правы, поговорки и повѣрья сельскихъ жителей не совсѣмъ уклонились отъ древнихъ преданій, отъ первоначальныхъ свойствъ сариннаго законоположенія; еще и теперь замѣтны въ устахъ и дѣйствіяхъ нашего простолюдина многіе слѣды, которые, не смотря на длинный промежутокъ времени, ощутительно отзываются сариною (1). Но вообще и все сокровище языка нашего, взятаго во всей своей цѣлости, подаетъ значительнѣйшія средства къ открытію многихъ слѣдовъ древности, компо-

(1) Но эта привязанность къ отечественному не составляетъ исключительнаго, даже преимущественнаго отличія Нѣмецкаго простолюдина. Русскій селянинъ не менѣе вѣренъ древнимъ обычаямъ, повѣрьямъ, правиламъ и поговоркамъ святой Руси. Просвѣщеніе, которое обыкновенно зиждетъ новыя правила, новые обычаи, новый образъ рѣчи на развалинахъ прежнихъ, озаряя высшія сословія, несравненно позже проникаетъ въ юдоль низшихъ состояній, и такимъ образомъ оставляетъ у нихъ неприкосновеннымъ преданное имъ общими предками наслѣдіе. Посему испытатель Русскихъ древностей, кромѣ мертвыхъ свидѣтельствъ Лѣтописей, всегда найдетъ для себя обильныя указанія на всестороннее состояніе своихъ предковъ въ кругу сельскаго быта. *Перев.*

рые, кажется, совсѣмъ запали въ безвѣстности и заперлись. Но, вопреки древней истинѣ:

Отечества и дымъ намъ сладокъ и пріятенъ,
мы, по какому-то глубокому обычаю, долго
надъ нами господствовавшему, почти привыкли пренебрегать всѣмъ тѣмъ, что оспалось посреди насъ и около насъ; добрые, честные наши предки, кажется, выглядываютъ изъ-подъ сихъ оспашковъ вѣрными своими глазами и спрашиваютъ насъ: опрѣшимъ ли мы имъ когда нибудь на ихъ привѣтствіе (2)?

§ 2.

Поэзія и Право получили начало свое на одномъ ложѣ; мысль очень вѣроятная. Если разлагать ихъ, то въ обоихъ встрѣишь нѣчто данное, принесенное, что можно бы было назвать виѣ-историческимъ, хотя оно и всегда прививается къ частной Исторіи; ни въ Поэзіи, ни въ Правѣ нѣтъ ни какихъ простыхъ, безотносительныхъ положеній, ни тщеславныхъ изобрѣтеній (3). Происхожденіе

(2) Не ожидаютъ ли и отъ насъ почтительнаго привѣта наши предки, болѣе или менѣе сокровиществовавшіе намъ то наслѣдіе, которымъ мы теперь наслаждаемся?.. *Перев.*

(3) Сію мысль, — мысль замѣчательную и спра-

обоихъ заключается въ двухъ стихіяхъ: въ чудесномъ и въ вѣрѣ. Подъ чудеснымъ я разумѣю здѣсь недосигаемую даль, въ какой у каждаго народа сокрывается начало его законовъ и пѣсней; безъ сей недоступной опдаленности не существовало бы ни одной святыни, къ коей бы человѣкъ могъ прильпиться умомъ и сердцемъ своимъ; то, что народъ заимлетъ изъ среды своей, становится равнымъ, сверстнымъ ему; то, къ чему онъ въ правѣ прикасаться своими руками, теряетъ уже святость. Съ другой стороны, вѣра есть не что иное, какъ усвоеніе чудеснаго, сплюю коего сіе послѣднее, такъ сказать, привязуется къ намъ. Дѣйствіемъ сего пріемлющаго начала чудесное становится нашимъ неоптѣмлемымъ удѣломъ, какъ родное, наслѣдственное достояніе, коимъ съ незапамятныхъ временъ обладали наши предки, и которое мы, пріявъ отъ рукъ ихъ, сами

ведливую, выражаетъ собиратель Саксонскаго Права въ слѣдующихъ словахъ:

„Dies Recht hab ich nicht erdacht,
Es habens von Alter uf uns bracht
Unsere gute Vorfahren.“

Сего закона не вымыслилъ я самъ,
Издавна принесли его намъ
Наши добрые предки.

въ свою чреду хопимъ соблюсти и предать
 нашимъ попомкамъ. Въ глазахъ народа по-
 покмо правосудіе праведно и неложно, ко-
 порое заемлется изъ „древняго благочести-
 ваго вѣдѣнія;“ пѣми покмо преданіями онъ
 собспвенно соуслаждается, копорыя всосаль
 вмѣспѣ съ молокомъ маперы, и видѣль ихъ
 обитающими подъ однимъ съ собою кровомъ.
 Такимъ образомъ, законные, равно какъ и
 пѣсенные *древніе обыкаи*, по всей справедли-
 воспи, могутъ бытъ почишаемы неопдѣли-
 мымъ смѣшеніемъ небесной и земной стихій;
 пемно для насъ начало ихъ; но поелику они
 долго жили въ нашемъ родѣ и были имъ
 утверждены, то мы уже и ясно, несомнѣнно
 знаемъ причину, почему такъ строга ихъ
 держимся, почему такъ къ нимъ прилѣпляем-
 ся. — Но что происходитъ изъ одного ис-
 точника, то всегда бываетъ сродно и со-
 вмѣстно между собою: и посему Поэзія дол-
 жна содержать въ себѣ Право, а Законопо-
 ложеніе Поэзію. По крайней мѣрѣ, нашимъ
 предкамъ другой взоръ былъ бы вовсе чуждъ,
 даже непонятенъ. Нынѣшняя Наука обыкно-
 венно все хочеть разлагать на мельчайшія
 часши; но они не раздѣляли ничего, а поль-
 зовались всѣмъ сполна, повально; у нихъ все
 существовало только для непосредственнаго,
 живѣйшаго употребленія, а потому и все

было общимъ достояніемъ и собственностію
каждаго въ особенностіи. Извѣстная пѣснь не
принадлежала у нихъ какому нибудь одному
пѣснопѣвцу; пѣтъ, пѣвшій ее умѣлъ только
искуснѣе и вѣрнѣе ее пѣтъ; равно уваженіе
къ закону не проходило отъ лица судіи,
копоторый и не имѣлъ малѣйшаго права къ
вымышленію новыхъ законовъ; пѣвцы только
имѣли въ своемъ вѣдѣніи достояніе пѣсней,
судьи только располагали должностію и слу-
женіемъ правосудію. Такимъ образомъ, Поэзія
и Право древнихъ временъ, безъ всякаго со-
мнѣнія, должны бытъ пріемлемы за вѣрные
свидѣтельсства, взаимно вѣщающія другъ о
другѣ, и за памятники, пѣсно соединенные съ
народными обычаями (4) и празднествами.
Брачные и погребальныя обряды могутъ пред-
ставить тому самый убѣдительнѣйшій при-
мѣръ. Каноническое Право вообще, мнѣ ка-
жется, возникло изъ сей середины между духов-
нымъ вѣрованіемъ и свѣтскимъ Правомъ. Во-
обще всякое Право, подобно преданіямъ (Са-

(4) Посему-то въ XII таблицахъ законы, по-
становленные противу оплакиванія мертвыхъ,
противу обычая класть въ могилу золото (исключая:
si cui auro dentes vincti escint) и противу
всякаго украшенія (*rogum ascia ne polito*), являют-
ся въ качествѣ главныхъ, существенныхъ зако-
новъ.

гамъ) есть самородное, незаимствованное произведение своей собственной почвы, хотя въ законодательствахъ всѣхъ народовъ можно встрѣчать нѣкоторыя поразительныя черты сходства. Но если можно еще изслѣдовать Право въ его первобытной простотѣ и сходственности съ Поэзіею, то изслѣдованія сія должны послужить къ ближайшему опысканію и открытію многихъ юридическихъ понятій, которые, можетъ быть, потерялись, или, по крайней мѣрѣ, лежатъ завалянными въ скарбѣ позднѣйшей Науки.

§ 3.

Все, что соединено внутреннимъ и первоначальнымъ средствомъ, при точнѣйшемъ изысканіи можетъ быть оправдано на счетъ своей сродственности строеніемъ и существомъ самаго языка, въ которомъ всегда бываетъ ощутительно живѣйшее прикосновеніе къ вещамъ, долженствующимъ быть предметомъ его изразженія. Утверждаемое нами средство между Поэзіею и Правомъ проникаетъ во глубины всѣхъ языковъ. Но если бы мы захотѣли изъ нихъ выбрать одинъ Нѣмецкій и тщательно собрать все множество доказательствъ, какія представляетъ намъ языкъ сей, то это составило бы само по себѣ обширное разсужденіе; посему я

ограничусь здѣсь предсавленіемъ нѣсколькихъ токмо примѣровъ. Судьи называются въ немъ *Jinder*, изобрѣшатели, такъ какъ они изобрѣшаютъ судъ; равно и Поэты называются *Jinder* (*trobadores, trouveurs*); и шѣ и другіе оплнчаются именемъ: *Schaffer, Schöffen, Scof*, шворцы (совершенно то же, что Греческое: *ποιηται*), поелику они шворятъ, ш. е. опредѣляютъ, поспановляютъ (5); называются также *Merker*, замѣчатели, поколику замѣчаютъ и наказуютъ просупки (6). Законъ вездѣ называется *Band*, и какъ пѣсни раздѣляются на *Gesänge* (*Sänge, Sise, Stollen*,

(5) Выраженія въ нашемъ языкѣ: *творитъ судъ, творитъ правду*, если не суть переводныя сполна Греческихъ: *ποιεῖν τὸ κρίμα*, или *τὴν δικαιοσύνην*, также указываютъ на шворчество Поэзіи. *Перев.*

(6) Въ Русской Правдѣ встрѣчается сошвѣшшвующее сему наименованіе *метальникъ* или, по другимъ спискамъ, *метельникъ*, поколику, ш. е., можно производить сіе слово опъ глагола *мѣтитъ, замѣгать, мерѣн*; впрочемъ наименованіе сіе не означаетъ самого судіи (уголовнаго), кошорый тамъ называется *вирникъ*, но шоварища или помощника судіи, коего должность, по мнѣнію Издашелей Правды, состояла въ *мѣщеніи* на биркѣ количесшвъ взысканной съ пресшупника пени, а можетъ быть и въ замѣчаніи на харшн доносовъ, ошвѣшовъ, свидѣтельскихъ показаній и пр. См. И. Г. Р. II. пр. 104. *Перев.*

Stuble, Füsse, pedes), такъ и законы дѣлятся на Stäbe и Balken (7), что особенно осталось замѣтнымъ въ Сѣверномъ Правѣ. Право и законъ (Gesetz) (8) есть нѣчто твердое,

(7) И Латинское tabula значить доска, брусъ (Balken). — Древнѣйшее Уложеніе Россіи, извѣстное подъ именемъ Русской Правды, не имѣло ни какихъ именованныхъ отдѣловъ, и если она теперь является раздѣленною на главы и статьи, то это раздѣленіе принадлежитъ позднѣйшимъ ея Издавателямъ. По крайней мѣрѣ древнѣйшій, какой только имѣемъ мы, списокъ ея, найденный Карамзинымъ въ Синодальной Библіотекѣ, представляетъ одни только заглавія, состоящія въ повторахъ начальныхъ словъ оглаваемой статьи. Судебникъ Царя Ивана Васильевича раздѣляется уже на грани, соотвѣтствующія Нѣмецкимъ Stäbe и Balken. *Перев.*

(8) Русское: законъ въ первоначальномъ знаменованіи своемъ выражаетъ совсѣмъ другую идею, нежели какую Нѣмецкое: Gesetz. Первое означаетъ черту, определяющую границы дѣятельности чело-вѣка, покуда можно быть производимо отъ древняго: конъ, значившаго конецъ, черту, предѣлъ, и слышнаго нынѣ токмо въ извѣстной игрѣ дѣшей. Последнее означаетъ установленіе, твердое опредѣленіе извѣстнаго начала дѣятельности, до-полъ шашкаго, неопредѣленнаго, подверженнаго частному произволу каждаго. Почему буквальный смыслъ слова Gesetz ближе можетъ быть выраженъ чрезъ уставъ, какъ у насъ именуются древніе за-

прямое, стоящее или сидящее, что въ языкѣ все равно; отсель имена: *Sitte* отъ *sitzen*, и *Statut*, — далѣе, и по той же причинѣ, нѣчто держащее, *bindend*, связующее, обязующее. Въ Сѣверномъ Правѣ *binda* значить: доказывать, *binda fast*: свидѣтелями доказывать (*probare per firmatores*); а въ Поэзіи выраженія, каковы: *binden* и *lösen*, искони были пѣхническими. Въ словѣ *Bund* (*vinculum juris*) находится понятіе принужденія. *Noth*, *Es Noth* (*naede*), какъ рѣченіе чувственное, на Древне-Нѣмецкомъ всегда означаетъ: цѣпи, оковы; слово *Es* напрошивъ, было прежде гораздо общее и выражало то, что Латинское *lex* и *testamentum*, союзъ, завѣтъ, свидѣтельство и обязательство; почему мы и находимъ, что нынѣшнее наше: Вѣтхій и Новый *Testament* прежде было переводимо чрезъ *Bund*, а еще прежде, чрезъ Древній и Новый *Es*: то, что надлежащимъ образомъ собрано, сочешано и прямо стоить (*legatum, ligatum, lectum*), называется *esht, reht*, брачнымъ, правымъ, законнымъ. Замѣчательно также — узы, связующія пѣснь, называющіяся въ Древне-Нѣмецкомъ: *Wissen* (*villae, villae*), въ Верхней Германіи *Wisen*, нынѣ *Weisen*, весьма близко

коны, напр.: *Уставъ Ярослава Владиміровича о Судѣхъ* и пр. Перев.

по наименованію своему подходятъ къ *Beweis*, доказательство, и *beweisen*, доказывать, въ смыслъ приказномъ. Равно, судейскому и плетельному доказать и *prüfen* (probare) соотносится дававшееся въ средніе вѣки стихотворцамъ имя *Prüfer*. Если они называются также *Rieser* (зрители, избиратели), то понятія: видѣть, рѣшать, различать, опредѣлять, избирать и постановлять, необходимо входятъ одно въ другое, отъ чего и Правовѣдніе имѣетъ свои термины: собирать, *legere* (*eligere*). Законы на Древне-Нѣмецкомъ часто именуются: *Kür, Willfür*: почему Французскаго: *costume, coutume* нельзя выводить изъ Латинскаго: *consuetudo*. Другое выраженіе: *Schrae, Schrâ* (9), со всею правильносію объясняется словами: *schraden, schroden*, рѣзать, кроить, дѣлать, и. е. распоряжать; а по Верхне-Германски *schroten*, откуда и поговорки: быть стараго *Schrof* (покроя, обычая), носить старое платье. Давѣ — такъ какъ *fugen* значить то же, что *reden*, говорить,

(9) Напр. Статуты Вестфальскаго города Соеста озаглавлены: *Schrae*, а на Сѣверѣ многія собранія законовъ названы: *Sitroßfra* и т. д. Я знаю, что оно: *sra* объясняется словами *scriptum, annotatio*, и въ этомъ нѣтъ ошибки; потому, что *schreiben*, писать, первоначально значить: *ein[schneiden]*, прорѣзывать, врезывать, и *graben*, тоже рѣзать, рыть.

калякать (causer), жаловаться, то и въ Стихотворствѣ являются слова: Sprecher, Trager и Melder (отъ melden, malen, málá, говорить, вѣщать, замѣчать (10); откуда и такъ важное въ Германскомъ Правѣ Malberg, (locus conveniendi et juris dicendi), и Стихотворство имѣетъ свои Sprüche (11) и Bünde. Я хочу взять еще дальше. Theilen значитъ также reden, потому что говорящій (или читающій, по-Англійски read, читаешь) разрѣзываетъ, раздѣляетъ слово въ устахъ своихъ; почему Гомеръ вообще называетъ людей μέρορες (отъ μέρος часть и ὄψ голосъ, рѣчь), т. е. членословные, раздѣльно говорящіе. Наши Мейстерзингеры на своемъ техническомъ языкѣ употребляютъ выраженіе: ein Spiel theilen. Французскіе Стихотворцы: jeu partir, jousin

(10) Сродство между словами: maßen (говорить, замѣчать) и mahlen (разрубить, раздробить) споль очевидно, рѣзко, что нельзя его не примѣнить.

(11) Sprecher, Melder есть то же, что нашъ *Баянъ*, коего *вѣщаніе персты*, какъ говоритъ Слово о полку Игоревѣ, лешая по *живымъ струнамъ, рокотали славу нашихъ древнихъ вѣщателей*. И если *баянъ* и *вѣщать* имѣютъ одинаковое знаменованіе, то конечно и мы можемъ находить подобное соотвѣстствіе между своими: *Баянъ, басня, и вѣще*, бывшее locus conveniendi et juris dicendi, какое Авторъ хочешь видѣть между Нѣмецкими: Melder и Malberg.

Перев.

partiri. Urtheil совершенно по же гласитъ, что Orlog, Urgeſeß, судьба, рокъ (fatum effatum), либо распределяющая Парка и по Баснословію разрываетъ; слѣдовательно всякій судебный приговоръ (Spruch) есть раздѣленіе (Zertheilen), разборъ правды отъ неправды. Schaaren, учреждать, распоряжать, происходитъ отъ Scheere. Моїра (сродное съ μέρος) означаетъ Парку, всѣмъ управляющую, распоряжающую *ката моїран* — по праву, по равному раздѣленію, uti par est, каковое par также находится въ соотношеніи съ pars и paria. Но сии слова: pars, Theil, вмѣстѣ означаютъ и произникшій, отдѣляющійся сукъ, Ast, и здѣсь ясно открывается глубочайшее отношеніе словъ къ вещамъ. Ибо, по старинному народному обычаю, въпвию Zweig, и сукомъ Ast, мѣшается жеребій, и loos (жеребій, судьба, опредѣленіе) на Сѣверѣ значитъ также въпвь и вещь, чѣмъ подтверждается основательность принятаго значенія словъ: Aeste и Waſſen (отдѣленія, sectiones), о коихъ я упоминалъ выше. Слова: Sache и Ding ископн имѣли свое собственное юридическое значеніе (12). То-

(12) Слич. res, geus, causa, causari. Языкъ Латинскій вездѣ представляетъ подобныя замѣчанія. Carmen, пѣснь, изрѣченіе, въ древнемъ Римскомъ Правѣ значитъ: формула, напр. Livius I. 10. Lex

чно такимъ же образомъ и пѣсни, въ цѣломъ сославъ своемъ, обыкновенно дѣлясь на *Aeste*, суки; и *Zweige*, отрасли, *branches*.

Что во всѣхъ сихъ понятіяхъ Поэзія и Право шли объ руку между собою и взаимно соприкасаются во всѣхъ своихъ членахъ, сего никто изъ безпристрастныхъ, искреннихъ испытателей истины не отвергнетъ; а тѣмъ менѣе захочетъ такой видѣть одну игру словъ въ вещахъ, въ коихъ языки и народы удивительно между собою согласуются. И сродство идей нигдѣ не можетъ состоять въ однихъ словахъ, но — какъ сказано уже выше — оно вездѣ должно развивать для насъ почку какого нибудь дѣйствительнаго обычая, какихъ нибудь былыхъ правовъ. Раскрытый нами предъ симъ въ особенностяхи ходъ Нѣмецкаго весьма естественно напоминаетъ Руническое письмо, состоявшее изъ палочекъ, *Stäben*, трости, *Stab* и жезла, *Escepter* (*Schäfte*) Царей, судей и пѣснопѣвцевъ, — престоль, стулъ, *Gestühl* и скамью, *Bank* (13)

horrendi carminis; I. 13. *Verba carminis*; III. 32 *rogationis carmen*, *Pactum* союзъ, въ Правѣ договоръ, но *rangere* говорится и о сочиненіи стиховъ въ особенностяхи.

(13) *Stuhl räumen*, *Stuhl's bitten* и пр. суть приказная терминологія въ Древне-Нѣмецкомъ языкѣ.

всѣхъ сихъ лицъ, когда они судили, рядили и пѣли. Приказное употребленіе der Stäbe и Zweige открывається не въ однихъ токмо gestabten und festgebundenen Eiden. Чѣмъ болѣе обнажается древность, тѣмъ поразительнѣе спановиися чудность ея языка, Поэзіи и обычаевъ, и если говорить, что всякое изысканіе, которое стремился заслужить честь основательнаго, когда удалось ему открыть что нибудь, дѣйствительно обрѣнаетъ новыя, бывшія доподъ невѣдомыми стороны въ природѣ и Исторіи, то это имѣетъ одинъ токмо видъ странности.

§ 4.

Показавъ вкратцѣ, какимъ образомъ языкъ употребляетъ одни и тѣ же слова или имена для выраженія идей, относящихся до Права и Спихотворства, я теперь поступаю къ дальнѣйшему сличенію источниковъ того и другаго. — Но для сей цѣли, кажется, болѣе всего пригодно Нѣмецкое Законодательство, съ коимъ ни какое другое не можетъ сравниться въ богатствѣ поэтическаго содержанія составныхъ его частей.

Но если разсматривать достоинство самыхъ частныхъ Нѣмецкихъ законоположеній въ семъ отношеніи, то само собою разумѣется, что древнѣйшія уложенія, поко-

лику они писаны на чуждомъ, Лаптинскомъ языкѣ, хотя и содержатъ въ себѣ домашнія правила и постановленія, были бы несравненно важнѣе, когда бы мы имѣли ихъ на собственномъ, отечественномъ языкѣ. Впрочемъ Книга Салическая, какъ самый древнѣйшій памятникъ, всегда будетъ имѣть для насъ, по своему содержанію, безцѣнное достоинство. За симъ должны быть по порядку постановлены Уложенія: Береговое, Алеманнское, Баварское, Ломбардское; вышедшія послѣ сего собранія законовъ становились суше и суше, какъ то доказываетъ сличеніе Швабскаго Зеркала съ Саксонскимъ. Уложеніе древнихъ Фризянъ, по своему старинному, совершеннѣйшему составу, вездѣ имѣетъ въ себѣ піиписическій покррой, и весьма странно, что Англосаксонскіе законы, столько согласные съ онымъ даже въ выраженіяхъ, являютъ между тѣмъ одну тощую, сухую прозу. На счетъ сего явленія, я согласенъ болѣе съ тѣмъ, что въ Англосаксонскихъ законахъ нарочно оставлена Поэзія, нежели съ тѣмъ, что будто бы во Фризскіе въ позднѣйшее время она внесена была. Очевиднымъ доказательствомъ сему служатъ большая часть древнѣйшихъ Сѣверныхъ Уложеній, кои всѣ наполнены піиписическими оборотами и замашками, — даже вышедшее нѣсколько позже

превосходное Саксонское Уложение, почерпнутое изъ успъ народа и практическаго употребленія Права; Швабское Зерцало и Императорское Право имѣютъ весьма скудное содержаніе. Между множествомъ уцѣлѣвшихъ до насъ Земскихъ Правъ, Уставовъ и Городовыхъ Положеній преимущество одного передъ другимъ опредѣляется тѣмъ, вѣрно ли оно указываетъ на древніе опечесивенные обычаи, или же вышло уже въ подражаніе иностраннѣмъ Устамъ и чуждому Праву. Вообще Нижне-Саксонскому, Вестфальскому и Нидерландскому Правамъ, основаннымъ на существовавшихъ обычаяхъ, принадлежитъ преимущество предъ Верхне-Германскимъ; тамъ древніе обычаи и древнее судоустройство соблюдались строже и долѣе; опшуда вышли знаменитые несравненно ученостію Германсты (14). Распространеніе Римскаго Права и соединенное съ тѣмъ введеніе новыхъ обычаевъ, хотя во многомъ согласныхъ съ опечесивенною стариною,

(14) Остановиваясь на одномъ послѣднемъ столѣтіи и не упоминая о Голландцахъ, какъ мало представляется Верхне и Нижне-Германскихъ именъ, которыя бы съ честію могли бытъ выставлены противу именъ Дреіера, Мёзера, Групена, Эрлиха, Зильдемейстера, Бруна, Киндлингера и др.!

остановило дѣйствіе древнихъ законовъ, и снѣсало ихъ въ болѣе и болѣе ограниченную сферу. Только въ частныхъ состояніяхъ, которыя тверже держатся другъ друга и кои для сохраненія древняго общественнаго быта своего питали въ себѣ вкусъ—хотя въ половину — къ Поэзіи жизни, какъ предмету совершенно уже опрѣшенному опъ Права — только въ сихъ состояніяхъ менѣе было ошущительнаго ограничительнаго дѣйствіе Римскаго Права. Существовавшіе тогда Суды оставляли имъ неприкосновенными многіе издревле утвердившіеся обычаи, и они почти все безмятежно продолжали пользоваться постановленіями родной старины. Такимъ образомъ объясняется, почему въ Охотничьемъ и Ремесленномъ Правахъ уцѣлѣли до нашихъ временъ такіе памятники, кои являются исполненными древней Поэзіи, и безъ всякаго сомнѣнія должны относиться къ такому времени, когда Право еще не было опдѣляемо, какъ нынѣ, опъ дѣйствительнаго быта. Равно и въ Дворянскомъ Правѣ и въ уголовныхъ дѣлахъ, по той же самой причинѣ, удержалось опчасти нѣсколько болѣе свѣжихъ и крѣпкихъ опрысковъ, нежели въ прочихъ предметахъ Частнаго Права.

§ 5.

Ближайшимъ образомъ сія мѣстическая

стихія законовъ проявляется во виѣшней ихъ формѣ. Естественное и существенно необходимое условіе Поэзіи есть то, что она часно не довольствуется одинокрапнымъ изреченіемъ какого либо положенія, но повтораеъ его еще разъ. Она, такъ сказать, не можетъ стоятъ на одной ногѣ, но, для соблюденія покоя и пріятности, требуетъ другой опоры, другаго, соотвѣтственнаго первому положенія. На семъ-то, по моему мнѣнію, ближайшимъ и существеннымъ образомъ основывается начало слогаповторенія (*alliteration*) и рѣмы.

Если мы будемъ изслѣдывать весь Нѣмецкій языкъ во всѣхъ многоразличныхъ его положеніяхъ, направленіяхъ и проявленіяхъ, то мы всегда найдемъ въ немъ какое-то самосклоненіе къ пождесловію, и по сей наспроенности онъ преимущественно долженъ казаться намъ пѣщическимъ, особенно же въ древнихъ эпическихъ пѣсняхъ, приказныхъ формулахъ и грамматахъ.

Разумѣется, что и въ иностранныхъ языкахъ можно открывать подобное склоненіе, хотя не такъ очевидное. Латинскія выраженія: *jusque, fasque, juste, pieque* составлены по руководству того же чувства, по которому и въ древне-Нѣмецкихъ законахъ и записяхъ образовались приводимыя мною

въ примѣръ изъ грамматъ выраженія, какъ: *mögen und sollen, hindern und irren, Span und Zerrung, Willen und Gefalle, von stat und von wegen, dermassen und dergestalt, Kund und zu wissen, wir thun und geben, wir haben geliehet und leihen, daß sie leiden und gelitten habend, fest und edel, heischen und biethen, versammelt und verhanft, vertagen und verbietthen, ernstlichen und festiglichen, begen und jagen, и ш. д.* (15). Въ народныхъ пѣсняхъ еще болѣе можно встрѣчать такихъ примѣровъ (16); и по сей-то причинѣ Поэзія

(15) Русскіе древніе законы и грамматы представляютъ также обильную жатву такихъ выражений; слѣдуетъ только раскрыть первый томъ Собранія государственныхъ грамматъ и договоровъ, Русскую Правду или Судебникъ, напр.: по старинѣ, по пошлнѣ; пожаловать въ опщину и удѣль; во чши и въ любви; данное, положенное: опщичъ и дѣдичъ; опщина и дѣдина; по устройенію опцю и дѣдню; ни сѣюшъ, ни орюшъ; тѣломъ да душею; на пошокъ и грабежъ; не цуемъ, не дорогой; судъ и расправа; приговорили и уложили; судихомъ и повелѣхомъ; пожни и сѣножати и пр. *Перев.*

(16) Напр. *ὄντ' εἰροῖαι, ὄντε μεταλλῶ* (Иліада I, 553) *οὐδὲ ἰδέειν οὐδὲ νοῆσαι* (V. 475, 665); *ποιήσῃτο καὶ κῶμῃ χερσίν*, (V. 735); *ἡγήτορες ἦδὲ μέδοντες* (II. 79); *μένος καὶ θυμός*, (V. 470, VI, 72); а въ древне-Нѣмецкомъ несравненно чаще встрѣчающіяся такіа пожде-словія. — Русскія старинныя пѣсни всѣ почти

имѣетъ два члена въ одномъ спискѣ или въ одномъ положеніи (мысли).

(Продолженіе впереди.)

V.

СОВРЕМЕННАЯ ПОЛИТИКА.

ОБЗРѢНІЕ НОВѢЙШИХЪ ПРОИСШЕСТВІЙ.

Ф Р А Н Ц І Я.

Въ Монитерѣ напечатаны слѣдующія подробности о происшедшихъ въ Парижѣ безпорядкахъ, въ слѣдствіе обнародованія послѣднихъ извѣстій изъ Польши: „Утромъ 16-го Сентября н. ст., молодые люди надѣвали крепы, въ знакъ печали, или лучше сказать, судя по послѣдствіямъ, вмѣсто знака соединенія. Вскорѣ толпы собрались въ Пале-Рояль, съ возмущительными восклицаніями; человекъ до трехъ сотъ изъ сего скопища пошли по Ришельевской улицѣ на бульваръ Капуцинокъ, къ дому Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, гдѣ

исполнены такихъ подобозначащихъ повтореній, наприм.: вы раздайшесь, разойдитесь; я разсѣлся, распростился; ходимъ не радостно, гуляемъ не весело; ограда, радость моя; во пиру, во бесѣдушкѣ и пр. и пр. *Перев.*

возобновились крики: долой Министровъ! и другіе. Въ окна придверника начали бросать каменьями. Прогнанные опшуда, нарушители спокойствія опправились къ заставѣ Сень-Дени, обычному пешу ихъ неистовствъ, гдѣ нашли они тошъ же ужасъ, который присушество ихъ всегда внушаетъ прудолюбивымъ и промышленнымъ жителямъ сей части города. Разграбленіе одной оружейной лавки ознаменовало проходъ ихъ чрезъ бульваръ Боннъ-Нувель, откуда прогнала ихъ полиція. Другая толпа, составившаяся около моста *au Change*, легко была разсыяна. Остальная часть вечера прошла спокойно. На другой день, 18-го числа, Пале-Рояль и домъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ сдѣлались вновь сборными мѣстами. Тѣ же лица, тѣ же крики, то же опчужденіе среди гражданъ, конхъ неумѣстное любопытство мѣшало однако же дѣйствію власшей. Предъ домомъ бульвара Капуцинокъ нѣсколько группъ ожидали, по видимому, Министра. Изъ дома выѣхала карета, въ которой сидѣли Президентъ Совѣта и Министръ Иностранныхъ Дѣлъ; поднялся крикъ, и народъ, кажется, собирался остановить карету, какъ Министры сами велѣли остановиться, и высунувъ голову въ окно, съ швердосію сказали нѣсколько словъ, которыя сначала изумили толпу и привели ее въ смущеніе. Карета опять поѣхала; но опаматовавшись, толпа преслѣдовала карету и догнала ее на Вандомской площади, близъ Канцеляріи, куда она ѣхала. Опять хотѣли остановить ее; тогда Президентъ Совѣта и Министръ Иностранныхъ Дѣлъ вышли, и первый, предсавъ предъ мяшежниковъ, сказалъ :

„Кого вамъ надобно? Министровъ? Вотъ они! Кто вы таковы? Что вы дѣлаете? Мнимые друзья свободы, вы грозите людямъ, коимъ поручено исполненіе законовъ?“ и пр. Несвязныя слова, произнесенныя съ замѣшательствомъ, слова: Польша, естественныя права, были единственнымъ отвѣтомъ на вопросъ Министровъ; къ нимъ вскорѣ подошелъ на площади Хранитель Печати, къ которому они вошли; ошрабъ, вышедшій изъ Штаба, разсѣялъ потомъ толпу. Нарушители спокойствія въ продолженіе дня безуспѣшно старались составлять скопища въ разныхъ мѣстахъ, какъ то: на бульварахъ, на биржевой площади, на Шателетской площади, на площади и въ саду Пале-Рояля, гдѣ неистовства ихъ и сдѣланныя ими поврежденія, сопровождаемыя бѣшенными криками, возбудили всеобщее негодованіе. Разграбленіе лавки одного оружейника въ Ришельевской улицѣ опять окончилъ безпорядки нынѣшняго дня; по крайней мѣрѣ успѣли схватить чetyрехъ грабителей съ похищеннымъ ими оружіемъ. Сегодня мятежники бросились на театры, и заспавили запереть оныя, нарушая такимъ образомъ права собственности и лишая пропитанія столь многихъ людей, живущихъ оцѣ сихъ заведеній. Попышки баррикады при вѣздѣ въ Монмартрское предмѣстіе, посредствомъ опрокинутыхъ повозокъ, не смотря на жалобы хозяевъ, вырываніе молодыхъ деревьевъ на бульварахъ, закрытіе лавокъ въ Пале-Рояль въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ ушра и вечера, — вотъ обстоятельство сего дня, въ продолженіе котораго взято подъ спражу довольно значительное число людей; вой-

ска и народная гвардія спискали новыя права на признательность жителей Парижа своимъ единодушіемъ. Приняты мѣры для прекращенія сихъ безпорядковъ, коихъ продолженіе мятежники осмѣливались предсказывать. Мѣры сіи будутъ приведены въ дѣйство съ твердосію: Префектъ Полиціи объявилъ о томъ прокламацію, которая безъ сомнѣнія будетъ услышана всеми добрыми гражданами; тѣ, которые останутся нечувствительными къ сему увѣщанію, должны пенять на самихъ себя за послѣдствія своего безразсудства. — Мы не вмѣшивали въ рассказъ о происшествіяхъ сихъ двухъ дней ни какихъ замѣчаній на счетъ событія, которое послужило предлогомъ нарушеніямъ спокойствія: всякому очевидно, что это былъ только предлогъ.“

Въ Газетѣ National говорятъ о предложеніи, сдѣланномъ будто бы Дономъ Педро Королю, о сочтаніи бракомъ Герцога Немурскаго съ Королевою Доною Марією; но Король отклонилъ сіе предложеніе письмомъ, исполненнымъ изліянія сердечныхъ чувствъ къ сыну своему и дружескихъ выраженій касательно Дона Педро и его дочери.

Изъ Лондона пишутъ отъ 9-го числа, что 6-го вечеромъ подписанъ Членами Конференціи новый протоколъ, предписывающій немедленное и полное очищеніе Бельгіи Французскими войсками. Конференція не соглашается, чтобы нѣсколько тысячъ челоувѣкъ остались въ Бельгіи, согласно съ желаніемъ Короля Леопольда, до 10-го Октябрю, срока перемирія.

Королевскимъ повелѣніемъ 11-го числа, Маршалъ Моршье, Герцогъ Тревизскій, назначенъ Ве-

ликимъ Канцлеромъ ордена Почетнаго Легіона, на мѣсто Маршала Макдональда, Герцога Тарентскаго, вышедшаго въ отставку.

Дей Алжирскій намѣренъ навсегда поселиться во Франціи; для него готовящъ замокъ Рамбульешъ.

Н и д е р л а н д ы.

Ихъ Королевскія Высочества, Принцъ Оранскій и Принцъ Фридрихъ, съ супругами своими, 17 Сенсѣбря упромъ отправились изъ Гаги въ Амстердамъ, куда прибыли въ тошъ же день. Въездъ ихъ въ сей городъ, гдѣ за нѣсколько дней сдѣланы были приготовленія къ принятію Ихъ Высочествъ, уподоблялся триумфальному шествію; ихъ встрѣтили съ неописаннымъ восторгомъ.

Въ Газетѣ Емансипаціонъ увѣдомляютъ, что Бельгійское Правительство офиціальнымъ образомъ предложило Франціи срыть крѣпости Ипернъ, Доорникъ, Шарлеруа, Монсъ и Ашъ.

Нѣсколько Генераловъ и офицеровъ назначены къ отправленію въ Бельгію, для обученія и устройсва арміи; они будутъ получать жалованье отъ Бельгійскаго Правительства, но сохраняютъ Французскій мундиръ и кокарду, равно какъ и чины и званія свои во Франціи.

Г р е ц і я.

Въ письмахъ изъ Наполи ди Романіи и изъ Пороса сообщаютъ извѣстія о безпокойствахъ, недавно возникшихъ на нѣкоторыхъ островахъ Греціи, и особенно на островѣ Идрѣ, коего жи-

тели явно возстали противъ настоящаго Правительства и Президента онаго. — Сіе возстаніе, уже имѣвшее пагубныя слѣдствія для Греческаго флота, кажется, произведено нѣкоторыми безпкойными жителями острововъ и Морей, изъ зависши къ власти Графа Каподистрія, обиженными ничтожествомъ, на которое они видятъ себя осужденными по мѣрѣ установленія правильнаго управленія, и по мѣрѣ того, какъ общественный порядокъ и бережливость въ финансахъ замѣняютъ безначаліе и хищничество, во время коихъ люди сіи играли нѣкогда роль, хотя мизантропную, но выгодную для ихъ обогащенія. — Нѣсколько иностранцевъ, ревностныхъ приверженцевъ всѣхъ возмущеній и перевороговъ, и особенно всѣхъ событій, могущихъ навлечь Европейскимъ Кабинетамъ новыя затрудненія, также, говорятъ, содѣйствовали внушеніями и примѣромъ къ составленію въ Греціи оппозиціи, сначала невѣрной и робкой, а нынѣ явно враждующей противъ Временнаго Правительства, которое три Державы, подписавшія Лондонскій трактатъ, единодушно рѣшились поддерживать въ сей странѣ до предстоящаго рѣшительнаго окончанія переговоровъ касательно ея независимости и границъ. — Недовольные, собравшіеся въ Идрѣ, не имѣли недостатка въ причинахъ или поводахъ къ жалобамъ: то на узаконеніе Правительства противъ своевольтва писменія, то на учрежденіе непріятной для нихъ полиціи, то на неисполненіе конституціи, которую Греція приняла въ Трезенахъ и въ Аргосѣ; причины сіи, по мнѣнію людей сихъ, должны были заставить всѣхъ Грековъ взять ору-

жіе, чтобы ниспровергнуть Правительство въ Навплии, даже съ опасностію причинить прежнее замѣшательство, и предать спрану вѣсьмъ ужа-самъ междоусобной войны, въ то самое время какъ три союзныя Державы съ новою заботливостію возобновили переговоры, порученные Уполномоченнымъ ихъ въ Лондонѣ. — Въ ночи 14-го Іюля, толпа мафросовъ, выѣхавшая на вооруженныхъ ботахъ съ острова Идры, овладѣла военными судами, которыя стояли въ Поросѣ разснащенные, и небольшимъ арсеналомъ, который Правительство построило на семъ островѣ. 16-го Іюля, Графъ Канодистрія увѣдомилъ Резиденцовъ трехъ Державъ о семъ мятежномъ поступкѣ жителей Идры, и просилъ содѣйствія Начальниковъ морскихъ силъ для возвращенія кораблей Правительства, которые мятежники успѣшно вооружали съ явнымъ намѣреніемъ возмутить вѣсь островъ, и предписать законы Правительству и жителямъ Пелопонниса. — Резиденты Державъ, уже знавшіе о толкахъ и проискахъ недовольныхъ въ Идрѣ, и даже обращавшіеся съ совѣтами и увѣщаніями къ нѣкоторымъ изъ знатнѣйшихъ жителей острова, успѣли объявить, что осуждаютъ преступное предпріятіе Идриотовъ, и что Правительства ихъ весьма дорожатъ сохраненіемъ спокойствія въ Греціи и Временнаго установленнаго въ оной Правленія. — 23-го Іюля, Комсрѣ-Адмиралъ Рикордъ и Капитаны Лейонсъ и Лаландъ, начальники Англійской и Французской морской силы, соединясь предъ островомъ Поросомъ, неоднократно приглашали мятежниковъ воротиться въ свои дома, и отдасть Правитель-

ству суда, коими они овладѣли. Начальникъ ихъ, Миаули, воспрошившись тому, и Капитаны Лаландъ и Лейонсъ рѣшились возвратиться въ Навпакцію, чтобы снова посовѣтоваться съ Резидентами о положеніи дѣлъ и о мѣрахъ, которыя должно принять. — Консръ-Адмиралъ Рикордъ, съ своей стороны, принявъ въ разсужденіе, что малѣйшая потеря времени можешь имѣть самыя пагубныя послѣдствія для спокойствія сей страны; что отбышіе всѣхъ союзныхъ судовъ, послѣ безуспѣшнаго пребыванія, можешь ободрить мятежниковъ, и даже подашь имъ смѣлосшь къ возобновленію морскихъ разбоевъ, нѣкогда удручавшихъ моря Леванта и Европейскую торговлю; что по содержанію данныхъ ему наставленій и последнему объявленію Резидентовъ, Союзныя Державы совершенно согласны въ необходимости предохранить Грецію отъ бѣдствій безначалія и междоусобной войны, рѣшился блокировать островъ Поросъ и находившихся на ономъ мятежниковъ, хотя въ то время имѣлъ въ распоряженіи своемъ только фрегатъ, на которомъ самъ находился, два бригга и еще одно небольшое судно. На другой день Идриоты покусились возстановить сообщеніе съ Идрою и съ другими островами, и надѣялись на успѣхъ нѣмъ болѣе, что гавань Пороса имѣешь два фарватера, изъ коихъ одинъ защищается небольшимъ укрѣпленіемъ, находившимся въ ихъ власти. — Чрезъ сей послѣдній фарватеръ, предъ которымъ стояли Русскій бриггъ и люгеръ, попытались они, 27-го Іюля, вывести одну изъ захваченныхъ ими корвельшъ; и въ этотъ же день другая корвельша, вооруженная въ Идрѣ, двилась

предъ Поросомъ, чтобы способствовать выходу первой. Въ безуміи своемъ мяшежники первые открыли огонь прошивъ Русскаго бригга, и вызвали на бой, который скоро рѣшился. Менѣе нежели въ часъ времени, бриггъ Телемакъ, подъ командою Каппана Замыцкаго, и люгеръ Широкой заставили молчать одну изъ корвешъ, а другую принудили удалиться. Фрегатъ Княгиня Ловичъ и бриггъ Улиссъ, блокировавшіе большой фарватеръ, не приняли участія въ семъ сраженіи; но чрезъ три дня послѣ того, 30-го Іюля, Адмиралъ, видя, что мяшежники не только не оказываютъ раскаянія, но еще готовятся къ новымъ непріятельскимъ дѣйствіямъ, приказалъ бриггамъ Улиссу и Ахиллему разрушить укрѣпленіе Пороса, и принудить Идріотовъ оставить двѣ корвешы, которыя они поставили подъ защиту пушекъ укрѣпленія. Приказаніе Адмирала было исполнено съ неуспрашимостію, свойственною, Русскимъ морякамъ, и мяшежники, обьявшие страхомъ, кинулись въ свои лодки и обратились въ бѣгство. — Греческій фрегатъ Эллада, также стоявшій въ Поросѣ и въ половину вооруженный, не принималъ участія въ дѣлѣ, и Адмиралъ Рикордъ надѣялся сохранить оный Греческому Правительству; но бѣглецы, въ безсильной ярости своей, сами зажгли сіе прекрасное судно въ минуту удаленія своего отъ Пороса. — Во время опроверженія писемъ, изъ коихъ извлечены сіи подробности, все предвѣщало, что сіе безразсудное покушеніе Идріотовъ, прекращенное въ самомъ началѣ, не будетъ имѣть ни какого важнаго вліянія на спокойствіе прочихъ частей Греціи, и

что, напропавъ того, виновники волненій въ сей несчастной странѣ будущъ совершенно поражены симъ примѣрнымъ наказаніемъ, равно какъ и единодушными и спрощенными объявленіями Резидентовъ, аккредитованныхъ премо Державами при Греческомъ Правительствѣ.

Т у р ц і я.

Въ Венеціи получены извѣстія изъ Скодры отъ 21-го Августа. Верховный Визирь, на маршѣ своемъ въ Боснію, встрѣтилъ у Косковы многочисленный корпусъ Босняковъ, который по упорномъ сраженіи отпихнулъ у него нѣсколько пушекъ и повозокъ, и принудилъ его отступитъ къ Пезрени. Въ Алессіо остался Иццешъ-Мегметъ Паша съ 15,000 человекъ, для совершеннаго покоренія Мустафы Паши Скодринаскаго. По приглашенію жителей Скодры, приславшихъ къ нему депутацію, Иццешъ Мегметъ послалъ, 6-го Августа, въ Скодру три баталіона регулярныхъ войскъ, которые и заняли южную часть города. На другой день около 900 человекъ поселянъ, собранныхъ людьми Мустафы Паши, ворвались въ городъ, чтобы выгнать оттуда Султанскія войска, но сами были выгнаны оными. Начальникъ сихъ войскъ, узнавъ, что Мустафа Паша разсылалъ по домамъ солдатъ своихъ, безъ коней могъ обойтись для защиты крѣпости, и видя, что большая часть города подвержена дѣйствію крѣпостной артиллеріи, не смѣлъ отважиться на дальнѣйшія предпріятія, и въ своей позиціи ожидалъ подкрѣпленія, Вскорѣ послѣ того Иццешъ-Паша вошелъ въ Скодру со всемъ своимъ корпусомъ, и полагаясь

на изъявленные жителями миролюбивыя чувства, развелъ своихъ солдатъ по квартирамъ во всѣхъ частяхъ города. Но 18-го Августа, Албанскіе солдаты, разсѣянные Мустафою по домамъ, вмѣстѣ съ жителями, раздраженными своевольствомъ Султанскихъ войскъ и подстрекаемые приверженцами Мустафы Паши, напали внезапно на разсѣянный корпусъ Иццета-Паши, и нанесли оному ужасное пораженіе. Часть онаго хотѣла соединиться на базаръ и пробиться, но путьъ была подвержена убійственному дѣйствию крѣпостной артиллеріи, которая зажгла всѣ дома около базара. Говорящъ, что ни одинъ человѣкъ не спасся; пощажённые огнемъ и мечемъ взяты въ плѣнъ.

Р А З Н Ы Я И З В Ъ С Т І Я .

Прокламація Гаитскаго Президента Боئےе прошивъ Франціи произвела такую радость между жителями Испанской части Санъ-Доминго, что по полученіи оной, 20-го Іюня, они иллюминировали свои дома. Сіи непріязненные изъявленія шѣмъ замѣчательнѣе, что вѣроятность войны почти уничтожила торговлю, которою существовали жители Санъ-Доминга.

Въ письмахъ съ Терсеры отъ 24-го Іюля увѣдомляютъ, что на островахъ Граціозѣ, Флоресѣ и Корво жители провозгласили власть Доны Маріи; они возспали прошивъ гарнизоновъ Дона Мигуэля, и заставили оные положить оружіе. На островѣ Граціозѣ сдались 400 солдатъ. Акты и прокламаціи, возвѣщающіе о сихъ важныхъ проис-

шествиѣхъ, обнародованы въ официальной Терсерской газетѣ.

По извѣстіямъ изъ Лиссабона отъ 31-го Августа, Донъ Мигуэль еще не далъ удовлетворенія за покушеніе противъ Англійскаго Капитана Раффи. Французская корвета Эгле и Англійское военное судно еще стояли у Сидрскаго берега.

Въ первые 24 дня свирѣпствованія холеры, изъ 1000 жителей умерло: въ Ригѣ 23 человека; въ Лембергѣ 15; въ Милавѣ 12; въ С. Петербургѣ 8 $\frac{60}{100}$; въ Познани 7 $\frac{15}{100}$; въ Кенигсбергѣ 6 $\frac{60}{100}$; въ Эльбингѣ 6 $\frac{32}{100}$; въ Данцигѣ 5 $\frac{70}{100}$; въ Шпешинѣ 2 $\frac{91}{100}$; въ Берлинѣ 1 $\frac{45}{100}$.

26-го Сентября.